

## ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИДЕНТИФИКАЦИЯ ФИЛОСОФИИ» (17–18 АПРЕЛЯ 2014, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

### ОТКРЫТОСТЬ, ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ФИЛОСОФИИ И НЕПРЕРЫВНЫЙ ОПЫТ ВОЗРОЖДЕНИЯ

**ГИНТАУТАС МАЖЕЙКИС**

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической теории Университета Вytaутаса Великого, 44244 Каунас, Литва.

E-mail: mazeikisg@yahoo.com

Статья посвящена проблеме идентификации философии, которая обсуждалась на международной конференции на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Современная философия обнаруживает себя в условиях быстро развивающегося потребительского общества, новых форм коммуникации и общественности, но осмысливает себя на основании накопленного исторического опыта и живой памяти, связанной с перестройкой, исчезновением цензуры и опытом становления демократического общества. В обзоре выделяются темы общественности, публичности, гуманизма, трикстерства, критичности. Многие темы связаны с одной из центральных метафор конференции: с развитием опыта, который созрел в пространстве *кухни-курилки-публичности* и подразумевал общественную критичность, ответственность, политичность (в смысле политеи) и игривость философа.

*Ключевые слова:* общественность, софросюне, ответственность, парадоксальность, трикстерство, публичность, становление, критическая теория и практика.

### REVIEW OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE «IDENTIFICATION OF PHILOSOPHY»

#### OPENNESS, PUBLICITY OF PHILOSOPHY AND THE CONTINUOUS EXPERIENCE OF REVIVAL

**GINTAUTAS MAŽEIKIS**

DSc in Philosophy, professor, Head of the Department of Social and Political Theory, Vytautas Magnus University, 44244 Kaunas. Lithuania.

E-mail: mazeikisg@yahoo.com

The article is devoted to the problem of identification of philosophy, which was discussed at the international conference in Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. Contemporary philosophy exists along with rapid development of consumer society, new forms of communication, publicity, and interprets itself as based on cumulative historical experience and live memory connected with Perestroika, disappearance of censorship and attempts to develop a democratic society. The review emphasizes the topics devoted to the main metaphor of the conference, namely, the experience which matured in the room of *kitchen-smoking-corner-public space* and implied critical response, a political, and playfulness of the philosopher.

*Key words:* sociality, publicity, Sophrosyne, responsibility, paradox, trickstering, development, Critical Theory.

Нужна ли современному миру свободная философия как мышление и исследование всевозможных форм сущего и драм человеческого бытия? Этим вопросом философский факультет (ныне — Институт философии) СПбГУ задавался давно именно в отношении множественнос-

© Гинтаутас Мажейкис, 2014

ти, систематичности форм и функций сущего, драм, или даже трагедий, человеческих жизней и социальностей. Но в чем претензия фундаментального философского вопроса, и способствует ли он практическим исследованиям? Открывает ли он возможность быть вместе-и-для современного общества? Этот, уже функциональный, а не трансцендентальный, вопрос можно сформулировать иначе: каковы условия существования философии, которая, не являясь служанкой власти, религий и идеологий, не теряет при этом собственного смысла в спешке каждодневности и вместе с тем остается востребованной обществом? Идея не быть служанкой власти следует не только из критики философии как служанки теологии, но из столетнего опыта отношения философии и меняющихся форм власти и структур общества. Тем не менее как вера, так и политическая власть, востребованы обществом, но в какой-то другой роли, которую философии еще следует осознавать и исследовать. Не служить им, но быть критическим и полезным свободному общему делу (*respublica*) означает, что ни страсти верующего, ни мобилизационный энтузиазм идеологического не являются модусами философской мысли.

#### *Общественность университетской философии*

История возникновения и развития философии показывает её способность не превращаться в языковую страсть, как это случается с мифом и поэзией, трагедией и комедией, и не сливаться с иррациональной волей освобождения, что постоянно случается с социальными бунтами, революциями и войнами. Философский путь, что следует из его истории, — скорее путь взвешенный, и соответствует сократовской *софросюне* — благоразумию, рассудительности, или же — рациональной свободе выбора, согласно теории Дж. Локка. Опыт преодоления религиозных страстей и революционного или военного триумфа стал предпосылкой преодоления воли к власти и желания подчинения. Философия и психоанализ обнаружили многочисленные формы подчинения: традиционные (предрассудкам, укладам жизни), экономические, идеологические, сексуальные, или стремление к уничтожению. Фундаментальные формы подчинения могут быть и созидательными, как структура социальности, в рамках которой происходит сотрудничество, и разрушительными по отношению к освобождающейся общественной рассудительности. Благоразумность и стремление говорить правду о настоящем, или о необходимости модернизации, об обычаях, или о творческом порыве иногда противоречат друг другу, особенно перед лицом призыва медных труб. Но, возможно, эта напряженность снимается ученостью, рафинированностью философской речи — этой своеобразной *гуманитас*.

Сократ не только благоразумен. По утверждению Р. В. Светлова, Сократ — «парресиаст», то есть тот, кто говорит правду в глаза, отказываясь от компромисса — и интеллектуального, и эмоционального. В определенных условиях за такую позицию можно поплатиться жизнью — как это и случилось с Сократом. Последуем за мыслью о *парриси* и судьбами философии. В XX веке мышление правды как непотаенности человеческого, а значит и общественно-политического бытия, стало предлогом высылки свободных и друг с другом полемизировавших мыслителей на «Философском пароходе», в прямом и в метафорическом смыслах. Перечисление судеб философии и соответствующих метафор можно продолжить: философы в ГУЛАГе, а также «философия после Освенцима» (Т. Адорно), «философия после ГУЛАГа» (В. А. Подорога). В связи с этим на конференции говорили о благоразумности освобождающейся мысли. *Софросюне* освобождения и бытие для общего дела позволяет говорить не просто о *парриси*, но и об умной политике философского говорения. Возможно, она заключается в поисках такой коммуникации, коммуникативного разума, который обеспечивал бы постоянное возрождение свободного мышления бытия.

Фундаментальная критика религиозно зависимого сознания выросла в советские времена и во многом предопределила зрелую на факультете установку не быть «на коротком поводке» у коммунистической партии и марксизмом-ленинизмом. В отличие от философского факуль-

тета МГУ, всегда бывшего в «прицеле» ЦК, философский факультет Ленинградского университета мог позволить себе скромность исследований: не предвидение всемирного шествия социализма, а осмысление философии истории, логики, социальной теории и познания, эстетики и этики. Скромность, сопряженная с *софросюне*, отнюдь не означала отсутствия солидарности, гражданственности, критичности, но также и осторожности свободы выбора, без которой рациональный, т.е. свободный, выбор невозможен. Скромность и благоразумие, стремление к свободе в полной мере проявились в перестроечное время, в 1985–1991 годы, когда дух обновления позволил постепенно снять легкую вуаль идеологии марксизма-ленинизма и предстать в своем несокрытом, творческом, диалогичном и демократичном философском облике.

Сейчас другое время, время государственно-финансовых, идеологических и информационных страстей, а значит, вновь время опыта благоразумности и рассудительности, который, возможно, не может дать незамедлительных дивидендов успеха, но, как и в прежние страстные периоды, позволяет факультету найти разумные перспективы развития. Поэтому осмысление свободной и взвешенной практики свободного рационального мышления на основании опыта позднего советского периода и послеперестроечного времени является особенно важным при решении насущных проблем философии: быть востребованной обществом, но не обманываться течением кратковременных страстей, сохранить публичную и культурную, политическую и социальную ценность, не отказываясь от своего предназначения сущностно осмыслять формы человеческого бытия.

Стремление к общественности и диалогичности характеризует современную философию. По утверждению И. Н. Зайцева, «философия — есть учёное сообщество, функционирующее в и через “университет” (как форму существования науки и образования) прежде всего в диалоге с обществом». Универсалии и университет долгое время понимались как состояние или место общего, основополагающего знания. Наоборот, замена идеалов общего понятием совершенно другого рода — общественностью — означает, что вместо мифической, религиозной или идеологической заданности общего на первый план выступают коммуникативные действия. Н. А. Артёмов в докладе отмечала: «И если философия может выжить только в университете, то следует укреплять позицию философии не в диалоге с Властью, а в диалоге с Обществом (философия понимает себя в том числе и как часть университетского сообщества)». Диалог с обществом — это переговоры о легитимации морали, о различии эпистемологий. Эти переговоры могут идти в рамках университета настолько, насколько само учёное общество является живой частью современных общественных течений, насколько университет является важным событием социума и государства. Переговоры, диалог, коммуникативное действие (следуя понятию Ю. Хабермаса) являются процессом аккумуляции знания в сферах культурной, социальной публичности. Причем это не статистическое или квантитативное накопление научных данных, а именно диалог наук, культур, опытов, форм мирочувствования и миропонимания, что характеризует современный университет, в котором философия настаивает на переводимости знания и опыта в свете бытия и сущего.

Б. В. Марков отметил негативную тенденцию: философия осознает себя, герметически закрываясь и охраняя собственный язык «общего» от общественности. Он отмечает: «Сегодня философия замыкается в самой себе, мыслители говорят на непонятном широкой публике языке, защищают диссертации, пишут издаваемые крохотными тиражами книги. Но и общество не знает, что делать с философами и зачем они нужны. Философия в форме критики идеологии, когда-то наводившая страх на политиков, стала никому не нужна». Напротив, диалогичность университетской, а значит и универсальной философии, и есть *дегерметизация* философского факультета, имея в виду «умное» сотрудничество: диалог с обществом на понятных его группам языках, но вместе с тем и выполнение социально-культурной критиче-

ской роли и функции. И. Н. Зайцев замечает о шаткости философии в системе современных наук. В принципе, у нее нет никакого собственного места: она сама в диалоге с общественностью и науками создает знаковое поле собственного присутствия и длится примерно столько, сколько длится общее и существенное понимание порядка вещей и отношений. Но, несмотря на шаткость философии в системе общества и наук, одним из основных убежищ и мест реализации свободной и бытийной мысли остается университет. Поэтому И. Н. Зайцев и говорит: «Философию следует развивать в университете. Вопрос только — в каком направлении. В социальном плане университет обслуживает государство (воспроизводство чиновников) и общество (производит граждан и идеи)». Философии следует развивать университет как свой дом. Это звучит созвучно, но и различно тому, что М. Хайдеггер говорит о языке как доме бытия.

### ГУМАНИТАС И ТРИКСТЕРСТВО ФИЛОСОФА

Современная, обществом и науками востребованная философия, появляется в рамках негетогенных, соревнующихся множественностей: политических, коммерческих, межкультурных, социальных, религиозных, гендерных, а значит моральных, мировоззренческих, эстетических и этических, что связано с проблемами коммуникации и взаимопонимания, переводимостью опыта и разумного действия. Всё это отличает ситуацию современной философии от периодов «всесильных систем», основанных на классических идеалах рациональности и поиска таких единых оснований, которые были заданы проектами просвещения или идеологического господства. Поскольку философия обращена к мышлению бытия и особенно человека, она, по сути, является гуманитарной в древнем смысле *гуманитас*, что соответствует *найдеи* или *Bildung*, сущностному становлению через образование, приданию образа, эйдоса душе. *Гуманитас* философии означает умную обращенность к энергичности человека, т. е. к его становлению, раскрытию человечности в востребованном обществом виде. При этом сама суть *гуманитас* не может быть однозначно описана ни как поэтично-риторический, ни как гражданственный, ни как естественно-научный, идеологический, религиозный проект. Поэтому тропинки философии — хайдеггеровские *Holzwege* — остаются герменевтическими, или феноменологическими, или в рамках социальной и политической критики, или негативной диалектики, или постструктуралистскими... или, в конце концов, раскрываются в сфере диалога с современными науками и обществом. Когда-то оговоренная В. П. Визгиным множественность миров сегодня становится множественностью парадигм, что не отменяет мышления смысла бытия и сущего самого по себе. *Политейность* философских просёлков, различность душевных и семантических жизненных миров (*Lebenswelt*) и стремление к общему диалогу, поиску и легитимации оснований может напоминать полёт Гермеса — культурного творца и трикстера одновременно, который, мысля и даря, непрестанно изменяет и разыгрывает. Метафора полёта Гермеса-философа уже в Средние века характеризовала божественность и практичность, науку и игру в одно и то же время. Полёт Гермеса раскрывает культурные, социальные, естественно-научные антиномии и парадоксы, развивает драматические диалоги, проекты, тут же их критикуя.

Е. А. Маковецкий говорил о судьбе философа, сравнив ее со средневековой параболой утки. Философии всегда было свойственно мыслить мифами, метафорами, апориями, антиномиями, парадоксами, из чего возникает античная и современная диалектика. Ахиллес гонится за черепахой или рыцарь сражается с улиткой — все это образы мыслителя, постоянно находящегося в ситуации невозможного, амбивалентного и поэтому скандального и в некотором смысле даже непристойного. Я это сравниваю с трагическим трикстерством или Гермесом-Меркурием: когда метафора или парабола преодолевает весёлость или карнавальность каждодневного балагана. Трагическая ирония заменяет на сцене весёлого шута, и оба амбива-

лентны в салонах дворцов и на площадях. Дворцы и площади одинаково любят и презирают скоморохов и мудрецов. Философ, как культурный герой, постоянно обнаруживает себя в ролях рыцаря и улитки, Дон Кихота и Санчо Пансы, Гермеса: философ и трикстер постоянно колеблется между нигилизмом и утопизмом, между консерватизмом и преодолением системных границ, трансгрессией, эксцессами. Причем рыцарство и трикстерство философа проявляется не только в мыслительных процедурах, но и в пределах сказанного обществу, является условием его — мыслителя — драматической ответственности. Философ ответствен и парадоксален, поскольку постоянно отвечает разнообразию публичных призывов и несовместимых требований власти. Это такая очная ставка с интерпелляцией, которая не отвечает заранее заданной идеологической подчиненности или идентичности, а преодолевает заданность, перешагивает мифологию присутствия и данности. Л. В. Шиповалова отмечает: «Гуманитарии сегодня вынуждены оправдываться, отвечая на вопросы об утилитарном, прикладном использовании производимого и передаваемого ими знания. Мы неизбежно вынуждены принимать навязываемые институтами управления и администрирования правила игры и сам язык обсуждения. Насколько философия может сохранить свою актуальность в этой ситуации?» Современность чарует не только медными трубами, но и требованиями соответствия каждодневным практическим нуждам.

Долгое время полемический и вместе с тем благоразумный путь философии понимался как преодоление невежества, всевозможных предрассудков, теней пещер познания, идолов, мифологем. Ради этой цели был выработан целый каскад понятий: апории, парадокса, антиномии, противоречия, логические законы — и техник: скепсиса, сомнения, отрицания, анализа, достаточного обоснования, верификации и фальсификации, а также символизации, параболлизации, метафоризации... Итак, философии соответствует парадоксальная, или апорийная, задача: совместить негативный, критический опыт перешагивания теней с игрой в позитивности, с течением каждодневности или, как говорит З. Бауман, с «ликвидной современностью». Искусство мыслить и проговаривать вместе с другими суть, которая не дана, но является независимо или, наоборот, зависимо от проектов государства, справедливого общества, общества благосостояния и превращает философа в рыцаря и шута, полубога или отверженного. Условие мыслителя — быть независимым от всех соблазнов и структур и быть вместе с ними и для них — бремя тяжёлое своей постоянной противоречивостью, которая провоцирует общество всё время неоднозначно и с настороженностью принимать речи философов.

### ПУБЛИЧНОСТЬ ФИЛОСОФИИ

Однако сама установка *преодоления* была созвучно понятию борьбы, уничтожения, искоренения. Столь сильные требования превращали философию в оправдание власти и структуры общества, ибо кабинетные философы, полные апокалиптических видений и пророчеств, не могли поставить себя вне практического заказа на легитимацию строя. Следуя В. Ю. Сухачёву, можем сказать, что мысля свое философское *архе*, свои предельные основания, они были по ту сторону социальной политической власти. Однако философы постоянно сталкивались с властью как требованием оправдания собственного мыслительного дела, как полем ответственного обществу, время от времени отворачиваясь от собственного *архе*. Где, в каких обстоятельствах можно публично и свободно мыслить и обозначать собственную ответственность, а не ответы в процедурах властных интерпелляций? Возможно, это пояснит одна метафора, возникшая в разговоре с Б. В. Марковым: *кухня-курилка-публичное пространство* как поле свободной философии. Речь шла о 1985–1991 годах, до крушения СССР, когда на философском факультете Ленинградского государственного университета в курилках во время

и после лекций Е. С. Линькова, К. С. Пигрова, Ю. В. Перова, А. А. Ермичёва, М. С. Кагана, а также на кухнях Б. В. Маркова, К. А. Сергеева, Н. Б. Иванова развивалось критическое отношение ко всему происходящему в мире и в центре нашего общего со-бытия — Советском Союзе. Более того, развивающееся пространство *кухня-курилка-публичное пространство* постепенно вытягивало в 1988–1990 годах всё большее количество свободных мыслителей, приезжавших на публичные лекции и кухонные разговоры, следуя собственной ответственности: М. К. Мамардашвили, В. А. Подорога и другие.

Метафора *кухня-курилка-публичное пространство* относится к важности различения видимости (хайдеггеровское *Schein*) и явленности (*Erscheinung*), о чем говорил в своем докладе В. Ю. Сухачев. Это актуальное различие мне напомнило метафору А. Введенского,<sup>1</sup> которую в перестроечное время осмыслил М. Мамардашвили, читая лекции в Ленинградском Доме учёных: о мышлении «мерцания мира» в эпоху господства авторитаризма и догматизма. Вспомним соответствующую метафору Гегеля о философии: «сова Минервы вылетает в сумерки», что означало в том числе раскрытие публичности истины на маргиналиях господствующих практик запрета; раскрытие истины как непотаенности бытия в условиях, когда мир только изредка мерцает или предстает дурным хороводом видимостей. Как можно перевести гегелевскую метафору сумерек? Возможно — как «смутное время», которое создается людьми масс, о чем говорил В. Ю. Сухачев, или редукцией, упрощением цивилизации — эффектом современного «идеологического инфотейнмента». Столетия строгой цензуры и авторитаризма, господства человека толпы и его смутного сознания научили дорожить редкостью свободной и глубокой мысли и знаками солидарности — в эпоху пустых номенклатурных речей или того, что М. Мамардашвили называл «дурным хороводом теней». Высказать несколько мыслей в паутинах пустоты и способность найти, услышать и развить высказанную мысль в пустозвонстве обязательных повторов классиков марксизма-ленинизма стало первой компаративистикой и герменевтикой. Такое благоразумное строю и свободной философии говорение учило писать и понимать «между строчками» и таким образом быть диалогичным, ответственным. По ту сторону дурного хоровода теней были нарастающие события жизни — «мгновения копыт коня времени» (В. Хлебников), ветер которых выветривал сумерки. Постепенная энтропия внешней и внутренней цензуры во времена перестройки проявилась в переходе от говорения «между строчками» к более частым прорывам свободной мысли из *курилок* в аудитории, и из *публичности* философского факультета в публичность текстов.

Но что означает: присутствие множественности в сфере публичности, даже самой маленькой, будь то в кухне или «между строк»? Множественность не только гарант диалога, но и драмы, и соревнования, и становления философских школ — практик накопления опыта и кооперации мысли. Пример философского факультета показывает, что зарождающееся свободное пространство буквально разорвало системную марксистско-ленинскую философию на множественность соревнующихся, драматически друг друга отрицавших и вновь признававших групп: гегельянцы-линьковцы, хайдеггерианцы-сергеевцы, последователи Н. А. Бердяева и А. Ф. Замалеева ... Все эти кухонные споры превращали философию в зону опасности, риска, разоблачения, драмы, в лиминарность, предельность человеческого бытия и провоцировали необходимость ответственности. Поэтому студенты философского факультета выходили на всевозможные протестные акции в начале 1990-х.

Маргинальные явления свободного мира уже случались и до перестройки: в шестидесятые годы. Вот почему память о них в перестроечное время была столь важной, как и память об освобождении в перестроечное время — сейчас для нас. Опыт критической философской

<sup>1</sup> В «Лекции о Прусте» М. Мамардашвили иллюстрирует идею непрерывного творения примером из А. Введенского: «Начнется мерцание. Мышь начнет мерцать. Оглянись: мир мерцает (как мышь)» (А. Введенский). — *Прим. ред.*

мысли как памяти освобождений и конкретных форм публичностей отличает эту мысль от понятия критической теории, развитой в рамках франкфуртской школы социальной критики (М. Хоркхеймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас и др.). Философия опыта-памяти освобождения, причем непрерывного, перешагивает критичность, преодолевает ее. Вспомним, что марксистско-ленинская философия все время требовала от машин философии быть критичными и громить буржуазную философию и инакомыслящих. Но на философском факультете учились благоразумию критики и радости преодоления философских машин языком парабол, метафор, утопий, мифа. Машины тоже требовали показывать «критичность» мышления: разносить предателей и врагов народа, буржуазных оппортунистов и отщепенцев-ревизионистов. Поэтому стоит говорить о такой мыслительной памяти, которая преодолевает идеологиями востребованную критичность. История освобождающейся мысли и живое повествование об этом стало со-бытием современного философского диалога. В нем раскрывается и ушедшая память символической высылки — память о «Философском пароходе» (о высылке Н. А. Бердяева, В. Ф. Булгакова, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, Л. П. Карсавина, И. И. Лапшина, Н. О. Лосского, П. А. Сорокина, С. Е. Трубецкого, С. Л. Франка и др.), и затаенная память о «философах в ГУЛАГе» (П. А. Флоренский, Г. Г. Шпет, Л. П. Карсавин и др.), и новая оппозиция марксизму-ленинизму, созревшая с начала хрущевской оттепели, и, наконец, то, о чем говорим мы: живой опыт перестроечного времени. Весь этот опыт критической памяти говорит о необходимости выйти за рамки критического (и учит ей), отчасти определяет состояние философствования, как об этом говорил в докладе И. В. Кузин. Понимание написанного «между строчками», книги самиздата и соляной пахнущие ксероксы учили археологии и генеалогии знания в том числе поэтического, мифического, религиозного. И это стало расширением публичности истины: многогранной, драматичной, противоречивой, многоголосой. Осознание важности бесед в курилке между лекциями или в кухнях после занятий, постепенное превращение факультетских лекций в публичные события стало событием возрождения.

Однако искушения сумерек: флирт и соблазн власти, жажда великого и могучего, или страх и энтузиазм конформизма и упрощений — подрезали крылья Минерве. Игры в неясности, превращение номенклатурно-философского говорения в анекдот, в пропаганду, в абсурд, социалистического реализма в магический, было другой составляющей карнавальности времени, которое соревновалось с философской мыслью. Вот почему даже во времена пробуждений мышление «мерцания мира» было не заданным заранее, а требовало сосредоточенности, абстракции, историко-философских и логико-аналитических навыков. Сейчас, в эпоху господства власти, входить в сумерки *курилок и кухонь мира* (используя это выражение как метафору) вновь становится необходимой практикой. *Кухня-курилка-публичное пространство* стало не только основанием разрушения господствующей идеологии, развития драматизма философских отношений, но местом благоразумного отношения к социальной инженерии и началом развития прикладных практик: социальной и политической философии, этики, конфликтологии.

Конец XX века проявил себя развитием политических технологий на субатомном уровне, что выразилось в идеях точечного контроля, тотального наблюдения, вездесущей «безопасности». Парадокс: рост прав человека сопряжен с ростом слежения и систем точечной безопасности. Данный парадокс стал вызовом новой критической теории и философии на Западе: свободные индивидуалисты голосуют за большее слежение и контроль. Критические исследования парадоксальных и даже апорийных отношений к социально-политическому миру открыли новые возможности и для практической философии. Практическая философия, основанная на бытийном понимании *praxis* как безосновательного, но всё раскрывающего и легитимирующего действия, открыла множественность перспектив кооперации с другими об-

ществственными науками. Практическая этика и анализ нормативных начал права и политики, критика культурных индустрий, осмысление современного искусства и освобождения всевозможных множественностей — это лишь немногие из перспектив практического взаимодействия общества и философии.

Тема мышления бытия, сознания и поступка как того, что остается общим философским делом современности, представлена у К. С. Пигрова, который говорил об «идентификации в философии как отождествлении единичного с предельными основаниями бытия». Философия на протяжении веков в истории университетов и институтов, по сути, создала «машину» причащения к предельным основаниям бытия в образе космоса, Бога, *mathesis universalis* или «научного» проекта будущего. Эта машина работает в двух режимах: преподавание, основанное на опросах-интерpellациях, и научные исследования. Степени этой идентификации: *в себе, для себя, в-себе и для-себя* — открывают поле диалектики. Однако машина идентификаций, или, что то же самое, машина вечности или машина предельных оснований, является и орудием обвинения, вопрошания ответственности. Машины суждений переносят благоговение бытия, радостную мудрость, «ликующее знание» — весь этот свободный мир — по ту сторону профессионализма. В этом смысле университетность философии как степень рациональности и возможность качественной открытости обществу или общему как состоянию коммуникативного действия драматически и даже трагически сталкивается с ярмом и техниками профессионализма. Однако эта напряженная раздвоенность между машинными технологиями знания и ликующей радости общения и открытием бытийного мерцания мира, возможно, и составляет судьбу философии.

#### ОСОБЕННОСТЬ КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Является ли целью философии мыслить Бытие и сущее, как к этому призывал М. Хайдеггер? Ведь нигилизм и внимание к множественностям, гражданская активность и практичность кажутся не только несовместимыми, но представляются забвением Бытия, подменой мышления *Dasein* различными инструментальными проектами. Ответ, конечно, связан с критикой той достаточно отвлеченной доктрины бытия, которая была изложена Хайдеггером. Я сам руководствуюсь тем пониманием бытия и сущего, которое развивается в рамках памяти освобождающейся постсоветской философии, которая в состоянии вступать в равноправный диалог с критической теорией. Практическая, но идеологически не обусловленная философия имеет отношение к *praxis* — неопределенной деятельности, активности тела и духа, с помощью которой конституируются язык, коммуникационные действия, их критика и легитимационные договоренности. Они исходят одновременно из университетского опыта и потребности множества общественных институтов. Именно позитивное отношение к *praxis* и негативное к идеологиям создает возможность мыслить и поддерживать множественности практик и диалогов, которые позволяют осуществляться современному обществу и идти путем развития культур и прогресса цивилизации. А поскольку понятие *praxis* достаточно неопределенно, философское действие придает практикам общественное и бытийное значение, делает такое дело оправдания, которым не занимается ни религия, ни социология или антропология, ни психология или история. Осмысление и оправдание практик общественных действий в сфере медицины, социальной и культурных областей, искусства и новых технологий придает значение философскому делу. Похожее отношение к *praxis* было раскрыто во французской постлакановской философии, например, в работах К. Кастириадиса, а также в немецкой критической теории и в работах Х. Арендт. Похожее отношение к *praxis* было с марксистских позиций раскрыто в югославской школе *Praxis* (Г. Петрович и др.). М. Хоркхаймер, развивая начала крити-



ческой теории, говорил о вмешивающемся мышлении (*eingreifendes Denken*) и о снятии философии в общественной теории. Я же опираюсь на то осмысление действительности, которое сложилось после Холокоста, ГУЛАГа, перестройки и современных систем репрессий. Причем, понятие *вмешивающееся мышление* проявляет себя противоречием между критическим инженерным действием, гражданскими установками и диалогическим, драматическим философским сопереживанием. Разорванность души и вечный поиск гармонии — судьба философа. Критика систем инженерии предполагает осмысление *протетики* — расширение поля человеческих возможностей: движения, коммуникации, власти, контроля, слежения, управления. Наоборот, принцип диалогической ответственности побуждает понять человеческие действия в свете их бытия и в противовес структурам и системам подчинения. И если необходимость ограниченной инженерии была осмыслена Карлом Поппером и отчасти всей критической теорией, то проблема ответственности и ее диалогичность была развита философией, которую я отношу к экзистенциализму, в первую очередь к Ж.-П. Сартру, и к философии диалоги и поступка М. Бахтина и его последователей. Инженерность предполагает критическое отношение и к власти, и к *архе*, а ответственность — осознание значения свободного сообщества, его коммуникативного действия. Соревнование философских школ в рамках публичных пространств и трикстерство философа постоянно проблематизируют мир. Философия, насколько она является свободной, живет и радуется, преодолевая всевозможные границы, в том числе и свою разорванность и парадоксальность. Она, как натянутый лук Гераклита, действительна только своей напряженностью противоречий.

Философская практика и есть раскрытие развития всевозможных противоречий и опытов освобождения. Будучи бесосновательной, она сама себя нормирует, но не является нормативной наукой; она сама отвечает своей разорванности и только поэтому не является безответственной, она сама творит ответ, как драматическое событие жизни, как преодоление границ. Философия — это такое любование, которое само создает общественные правила пристойности и непристойности, публично отрицает волюнтаризм, но благоразумно перешагивает дозволенное. Критическая теория и ответственная память подчеркивают важность человеческих договоренностей и тут же их отрицают как самораскрытие новым конфликтам и еще несуществующим соглашениям. Философия и критическая теория постоянно призывают к цивилизации и культуре, но поддерживают революции и защищают метаморфозы души. Пространство конкурирующих аналогий и соревнующихся подобий является гетерогенным, множественным. И, сколько бы философы ни играли бы в государственных людей, философский факультет развивает противоречивые множественности и опыт трикстерства. Однако навыки Гермеса могут быть весьма востребованы, ибо это — разумность, которая, разрушая, сохраняет, и разделяя, оживляет.